

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке — *Елена Сова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Черникова, Любовь.

Ч-49 Наследие звездного дракона. Отбор : [роман] / Любовь Черникова. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Любовь внеземная).

ISBN 978-5-17-119386-7

Подписывая договор с демоном, думала, что непременно попаду в ад. Но пахло от демонюки вовсе не серой, а дорогим парфюмом. Да и мир, где я оказалась, совсем не преисподняя. Добро пожаловать, детка, это – отбор! А значит, хуже, намного хуже адова пекла: драконы, демоны и целый серпентарий невест для наследника, поголовно наделенных магией и настроенных на победу. Куда обыкновенной медсестре против них?

Но контракт подписан кровью — придется участвовать и побеждать!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119386-7

© Л. Черникова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ПРОЛОГ

Снег валит хлопьями — последний привет не желающей сдавать позиции зимы. Правда, из-за темноты и шторы-гирлянды, украшающей большие окна кофейни, разглядеть толком что-то, кроме собственного отражения в стекле, невозможно. Стас, пять минут как окончательно и бесповоротно мой бывший, гипнотизирует тарелку «Цезаря». Я тоже молчу, пытливо его разглядывая и мысленно подгоняя: «Ну же! Давай скажи!»

Но он продолжает упрямо стискивать в линию губы. Эх! Кажется, мы даже толком поругаться не способны. Взять, что ли, эту его тарелку и грохнуть об пол?

Идиотскую паузу в и без того вялотекущем разговоре, который нормальной ссорой и назвать нельзя, прервал телефонный звонок.

— Оль, ты нужна. Срочно.

Наш заведующий говорил так, что и не отличить, взволнован он, бесится или смертельно устал. Всегда собранный, будто военный. И все же я научилась чувствовать его настроение по малейшим оттенкам голоса. Потому сразу поняла: сейчас точно нельзя отказать. Да и продолжать общение со Стасом нет смысла, ключи от квартиры он мне вернул, так что можно прощаться.

— Еду, Герман Владимирович.

Собеседник, не тратя больше времени, положил трубку. Пара нажатий сенсора — и я, вызвав такси, убрала телефон в сумочку. Снова посмотрела на бывшего. Все. Пора ставить точку.

Он отреагировал, только когда поднялась из-за стола и сняла с вешалки пальто. Выплюнул:

— Медсестричка чертова! Позвал — и побежала!

Ого! Неужели ревность? Даже приятно.

— Не медсестричка, а операционная сестра. И форма у меня настоящая, как и грудь. Не то что у твоих... — Я не стала договаривать. — Чао!

Подмигнув, направилась к выходу, чувствуя облегчение. Этот этап жизни закончен.

Маменькин сынок Стасик сам далеко не пампусик, что бы там его родительница ни утверждала. Едва ли не с первых недель наших отношений я заподозрила адюльтер, но не придала значения, считая, что не пойман — не вор. Да и не в моих правилах верить наветам. Зато стоило только укрепиться в подозрениях и намекнуть о них, как мне вменили все грехи и отдельной статьей ночные дежурства, во время которых я якобы далеко не жизни спасаю. И все это таким рациональным менторским тоном, что я себя истеричкой почувствовала.

Уверена, это все его мать, она меня сразу невзлюбила за прямолинейность. Неподходящая из Ольги Железновой невестка, по ее мнению. Недостаточно покладиста, в рот никому не заглядывает, вот и пыталась отвести любыми способами.

На все попытки снова обсудить происходящее Стас старательно хлопал глазами и весьма достоверно строил из себя пай-мальчика, убеждая, что мне показалось, что это происки завистников, что я устала после дежурств или же просто дурочка, если продолжаю верить слухам. И вообще, он же терпит мои дежурства, доверяет и от меня ждет того же. А мама, ну она же мама, придется просто смириться. Я успокаивалась, внимала голосу разума, и некоторое время все шло своим чередом.

Так было до вчерашнего вечера, когда Валентина попросила поменяться дежурствами. Я хотела сделать сюрприз, а в итоге нарвалась на сюрприз сама. Пышная блондиночка, полная моя противоположность, выскочила из моей же кровати, стремительно кутаясь в короткий халатик. Что меня прямо добило, так это ее наряд развратной медсестры из магазина эротических товаров. Н-да. В тот миг я молча развернулась и ушла из собственной квартиры назад на работу, не отвечая на звонки.

Оказалось, я очень тяжело переживаю предательства. Мотнула головой, отгоняя не лучшие воспоминания.

И как только могла на эту удочку попасться? Не заметить сразу такое несоответствие содержания и оболочки. Мне совершенно непонятно желание казаться иным, чем ты на деле есть. Ну если кролик, то и оставайся честным кроликом, и такого полюбят. Дракон? Будь драконом. Не могу я мужчинам спустить такое лицемерие. Так что долгожданный взрыв эмоций у всегда здравомыслящего и рассудительного Стасика вызвал некоторое удовлетворение.

Вместо вполне уместных извинений и, как водится, взаимного пожелания удачи он принялся поносить меня, припоминая былое и мнимое, но именно теперь стало видно его истинное лицо. Смотрела и не верила, как я могла так вляпаться? Похоже, была после третьего подряд дежурства.

Не прощаясь, покинула кофейню и села в такси, а через десять минут вышла возле ворот городской больницы. Тихо ругаясь, попыталась преодолеть извечный водоразлив на въезде, из-за которого к крыльцу не подойти, и едва не села в грязь, поскользнувшись на льду. Новое, молочного цвета пальтишко покрылось темной крапункой по подолу — после достойного актеров цирка Дю Солей кульбита на ногах удержаться пыталась. Эх! Темно. Непонятно. Может, просто намокло от брызг? Ладно, не до того сейчас, нужно торопиться.

Работа встретила привычными запахами лечебного учреждения, которые так пугают обывателя, и особой патогенной микрофлорой, что на деле гораздо страшней. А ведь еще сам Пирогов говорил, что больницы нужно сжигать каждые пять лет и строить заново. Эх... Сначала это знание действовало на нервы, потом как-то свыклись. Дышим.

Пока переодевалась и готовилась ассистировать, заглянула санитарка:

— Оленька, ты уже здесь?

— Здесь, Люд, что случилось-то? Сегодня же Валентина дежурить должна?

— Валечка в луже этой окаянной поскользнулась и лучезапятный повредила, как бы не перелом даже. А я ей говорила, шпильки — это опасно, рановато еще на шпильках, льда навалом...

— Вот блин! — Искренне посочувствовав Вале, спросила: — Кого оперируем?

— Девчонку привезли, девятнадцати лет. Ейный парень, придурок, посадил на мотоцикл сзади, да еще и без каски. А погода какая? Скользота! Расшиблись они, значит. Сам-то так, ерунда: легкое сотрясение да палец сломал, а девонька та вылетела и еще под машину попала на встрече. Обоих к нам привезли. До центра она не дотянула бы, ждем оттуда докторов.

— Да уж! — Я воздержалась от рвущегося с губ ругательства.

В коридоре обнаружился и сам горе-байкер. Сидел на стуле, обхватив волосатую голову руками, и, тихонько подвывая, покачивался из стороны в сторону. Перебинтованный палец, да еще

и средний, торчал так нелепо, что я едва не хихикнула. Нервно и, без сомнений, неуместно. Но тут же разозлилась: упакованный подлюка, и шлем вон рядом на полу лежит. Одна штука. На себя напялил!

Крепче стиснула зубы, пытаюсь абстрагироваться. Вдох-выдох. Все же Стасик меня раздергал, плохо контролирую эмоции. Нужно срочно брать себя в руки, мне ведь работать.

У дверей операционной настиг тихий голос:

— Я не хотел... Пожалуйста, умоляю, спасите их!

Я замерла, словно пораженная громом. Их? Она еще и беременна?! Оборачиваться не стала, побоялась, что просто возьму шлем и разобью им же его патлатую голову.

В операционной вовсю шла подготовка к операции. Маленькая хрупкая блондиночка на столе выглядела гораздо младше двенадцати, сама еще ребенок. Я крепче стиснула зубы, стараясь не обращать внимания на слипшиеся от крови светлые локоны. Что-то не могу собраться, не ко времени нервы расшалились, стоп!

Кроме пациентки, здесь уже были Герман Владимирович, который ввиду экстренного случая и отсутствия под рукой операционной сестры сам готовил ассистентский стол, и наш анестезиолог Иннокентий, для своих Кеша, за глаза — Саб Зиро с легкой руки одного из пациентов. Он уже занимался наркозом.

Коллеги быстро ввели меня в курс дела. Еще два хирурга из центра должны были скоро подъехать, случай сложный, нужны профильные специалисты. Но ждать времени нет, приступаем. Когда все заняли свои места, завотделением не то прокомментировал состояние пациентки, не то ввел в курс дела, озвучив привычную присказку:

— Делаем, что можем.

Делаем, что можем. И все. Никаких прогнозов. Больше от него до конца операции мало что услышишь, разве только по великой надобности. Привычка такая, после одного случая. Руки работали, а в голове зрело понимание, что все это зря. Иногда сразу видно, невозможное не сделать, мы же не волшебники. Девушку точно пожевали и выплюнули. Слишком все это, даже для меня слишком.

И настоящее чудо, что жизнь еще теплится. У обоих. К горлу против воли подкатил комок. Боже, как несправедливо!

Ч-черт, что угодно сделала бы, лишь бы их спасти!

Подумала, и мир изменился.

Сначала крепко заложило уши, потом словно бы помехи пошли, только в реальности — картинка смазалась и тут же снова стала четкой. Уронив катетер, ухватилась за край операционного стола, чтобы не упасть на пациентку. Мало ей без меня досталось?

Посмотрела вниз под ноги и... Если бы я была ранимой барышней, наверное, завизжала бы. Вместо этого, выпучив глаза, принялась медленно отступать. Шаг, другой, третий... Тут меня кто-то остановил, придерживая за плечи, но я все никак не могла отвести взгляд от той, кто лежал на полу, — от самой себя..

Если выбирать между завизжать или крепко и витиевато выругаться, выбираю второе. Мне помогает. Вот и сейчас помогло взять себя в руки.

— Ого! Вот это талант, — негромко восхитился шелестящий вкрадчивый голос над ухом.

Его обладатель продолжал осторожно удерживать меня за плечи. Посторонние в реанимации?! Я скосила глаза на его руку и обнаружила приличные такие когти. Черные, блестящие, сантиметра три каждый, заостренные и чуть загнутые на концах. Честно говоря, такого я не ожидала узреть и от испуга шарахнулась в сторону.

— Ну что же ты так? — произнес пришелец, укоризненно глядя глазами с вертикальными зрачками.

На этот раз я совсем дар речи потеряла и даже выругаться не смогла, лишь беспомощно оглянулась на Германа Владимировича в поисках поддержки. Нашего заведующим и сам черт не испугает. Но тот, словно памятник всем хирургам, застыл с занесенным над пациенткой скальпелем. Подалась в совсем уж неестественной позе замер Кеша. Он только-только собрался присесть на табурет, но так и застыл на полпути, чуть наклонившись вперед. Нарочно таким макаром долго не прстоишь.

Что за чертовщина творится? Может, я нечаянно себе что-то вколола и ловлю глюки?

— Ну, успокоилась? — привлек внимание странный мужчина, если существо напротив так можно было назвать.

Ну не женщина же? Скорее демон, судя по внешнему виду. Кажется, начинаю верить в потусторонние силы... Мамочки!

— К-кто вы?

Стараясь не поддаваться панике, во все глаза уставилась на лысого мужика средней комплекции. Не subtilный, но и статью не блещет. Одет в деловой серый костюм с иголки, в руках

дорогой кожаный портфель. Прямо страховой агент какой или скорее юрист — золотые часы на руке выглядят дорого и серьезно, не похожи на бутафорскую подделку. А вот когти вместо ногтей, сероватая кожа, по-кошачьи желтый цвет радужки и выпирающие бугры на лысом черепе, напоминающие короткие рожки, откровенно пугают.

— Меня зовут Бальтазар, Хельга, — голос демонюки звучал спокойно, даже вкрадчиво. И он явно обращался ко мне. — Ты пожелала, я услышал. Готова к сделке?

— Какой еще сделке? — Как любой русский человек, привыкший, что везде дурят, насторожилась и снова глянула на Германа Владимировича.

Мужик тяжело вздохнул и наклонил голову. Повторил, тщательно выговаривая слова:

— Ты — пожелала, я — услышал. — И пояснил точно ребенку: — Ты вроде как только что была готова сделать все, чтобы спасти этих двоих. — Он небрежно кивнул в сторону стола.

— Это ты с ними сделал? — ответила вопросом на вопрос, указав подбородком на докторов, и тут заметила, что данные на приборах тоже застыли. — Если пациентке не помочь, она умрет! Она беременна, — добавила, вспомнив про нерожденного еще малыша.

— Да, их не спасти вашими способами, — отрезал лысый и добавил: — Но есть иные, если ты готова на кое-какие жертвы. Так как?

— Я ничего не говорила, только подумала.

Нет уж, не проведешь меня на мякине, демон!

— А вот тут правильно угадала. Демон и есть.

Он что, подслушал мои мысли?! Нервно хихикнула. Кажется, я недалеко от истерики. Нет, ну точно препараты! Но сама не могла, неужто кто-то подшутил? Может, Стас решил подстроить каверзу напоследок и подсыпал что-то в кофе? А ведь действительно вкус странным показался. Теперь даже не сомневаюсь, с этого гада станется.

Уверившись, что нахожусь во власти галлюцинаций, немного расслабилась. Осмелела.

— Если глюки, то все не по-настоящему. Да ведь, лысый козел? — А чего церемониться с нечистью? Не в наших это обычаях.

Демон только головой покачал, продолжая вежливо улыбаться, но глаза его оставались холодными, а взгляд оценивающим. Будто препарирует. Брр!

Села на стул и спрятала лицо в ладонях. Затем выпрямилась и ущипнула себя за ляжку. Как следует, без халтуры. Чуть слезы из глаз не брызнули. К сожалению, ничего не изменилось. По-прежнему нелепо корячился над стулом Иннокентий, хищно примеривался скальпелем заотделением, молчали приборы, и, неестественно вывернув вбок голову, валялся на полу мой двойник.

Лысый демон тоже никуда не делся. Печалька..

— Ну все, достаточно, некогда больше в игрушки играть, — совсем другим тоном, холодным и деловым, заговорил демониюка. Похоже, он не отличался терпением. — Расклад такой: ты подписываешь бумаги и идешь со мной, а эта молодая женщина и ее нерожденный ребенок получают шанс и.. — он снова пристально, точно рентгеном, прошелся по мне взглядом, от которого волоски зашевелились в прямом смысле, — всю жизненную энергию твоего организма. — Демон хищно улыбнулся. — Так-с, делим на двоих, у детеныша аура мощная.. Думаю, вытянут, — принялся он прикидывать вслух. — Точно выживут, особенно с помощью ваших местных методов. Теперь уверен.

Кивнув собственным мыслям, он продолжил:

— Отказываешься, получаешь анафилактический шок средней степени, твоя аллергия на медикаменты развивается, и быстро. Если откачать успеют, все равно тебе здесь больше не работать, да и вообще в больнице. Плакало образование, хотя и это не самое страшное. Ну, ты знаешь, — намекнул он, заставив внутренне съежиться. — Время пошло.

Вот и что делать? А демониюка продолжает:

— Тебе и терять-то особо нечего. Родня есть, но такая дальняя, что ты ее сама даже не знаешь. По отцу родственники с тобой знаться не желают, не тот уровень. Остается одна работа, да и та уже под вопросом. Мужика нет, семьи нет, детей нет, подруг... Можно сказать, тоже нет. Даже не с кем выпить с горя, кроме коллег, которых, как уже говорилось, скоро не станет.

— А вот это жестоко!

— Я знаю, — растянул в широкой улыбке темно-серые губы лысый, продемонстрировав заостренные кончики зубов. — Ну так что, подписываем? — Он ловко выудил из портфеля планшет и сунул мне в руки, неведомо как оказавшись рядом.

Вот только что стоял там у стены — и прыг! Нет, не прыг. Просто моргнула, а он уже здесь. Обгадиться можно!

Вздрыгнула так, что едва со стула не свалилась.

— А это я еще не в боевой форме, — опять прочел Бальтазар мои мысли.

Никак гордится, зараза?!

Я снова взглянула на пострадавшую, в тот же миг на мониторе пациента вместо данных о состоянии возникли часы. Одна минута на раздумья, пошел обратный отсчет. Тик-так. Прямо как в фильме — время до взрыва бомбы, а все герои сплошь готовы жертвовать жизнью направо и налево. На деле же людям ой как умирать неохота. Я — не исключение. Зажмурилась до боли, отгоняя жуткие воспоминания из прошлого...

Решилась:

— Кровью подписывать?

Демон картинно вздохнул:

— А чем же еще?

Пробежала по диагонали документ. Глазам не верю, стандартная форма договора. Пунктов не так чтобы много, но занудные, как принято в юридических документах. Благо всего страничка и шрифт крупный. Главное, чтобы самые «пикантные» подробности не были в приложениях скрыты, которые мне «забыли» показать.

И что характерно, ни слова про душу.

Смысл прочитанного как-то в голове не отложился, а перечитывать уже некогда, секунды тают быстрее, чем мороженое на жаре. Я закрутилась в поисках острого предмета, которым пустить кровь, двинулась было к столу с инструментами, но демонюка перехватил мою руку и чиркнул когтем по подушечке большого пальца. Меня передернуло от подобной антисанитарии, но не до сантиментов. Кровавый отпечаток расплылся в отмеченном рамкой месте как раз на последних секундах. Готово!

В то же мгновение стало плохо.

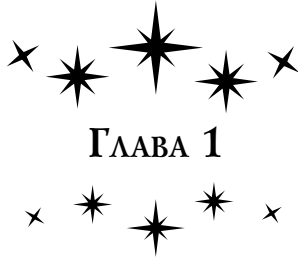
Упасть не дал все тот же Бальтазар, удержал в вертикальном положении.

— Терпи. А как ты думала? Делиться энергией в вашем мире неприятно, — просветил демон, а я точно рыба открывала рот, наблюдая, как бытие приходит в движение, будто кто-то снял реальность с паузы. Только отчего-то голосов не слышно — сплошная пантомима. Вот Кеша наконец-таки сел, но тут же вскочил и бросился ко мне. То есть к моему двойнику, по-прежнему без движения валяющемуся с противоположной от него стороны операционного стола.

Заведующий нахмурился. Сдернув маску, он что-то прокричал в сторону выхода, но пациентку не оставил. Дверь тотчас распахнулась, внутрь буквально ввалились два незнакомых мне доктора, уже готовых к работе. Один немедленно занял мое место, лишь раз покосившись в сторону анестезиолога, пытающегося заставить дышать моего двойника. На пороге, прижав ко рту руки, застыла Людочка, но быстро пришла в себя и куда-то рванула.

— Ух, какая ты славная! — плотоядно шепнул на ухо демону, погладив меня по плечам. — Как много у тебя жизненных сил, обеим хватит: и блондиночке этой юной, и ее нерожденной дочурке. Не беспокойся, точно теперь выживут, а нам пора.

Последнее, что я увидела перед тем, как Бальтазар бесцеремонно ухватил меня под руку и с неожиданной силой толкнул прямо на стену, были ожившие пики графиков на мониторе пациента.

Ольга

Я едва успела закрыть ладонями лицо, ожидая столкновения с холодным кафелем, но вместо этого, по ощущениям, пробежала на несколько шагов дальше, чем позволила бы мне стена, и остановилась, будто увязнув в уплотнившемся воздухе. Замерев от удивления, выждала немного и только потом рискнула приоткрыть глаза. Я очутилась в странном кабинете, и такого у нас в больнице точно не было.

Просто не могло быть!

Осмотрелась, но демонюки нигде не увидела. На ад тоже не похоже. Ни котлов, ни сковородок, ни языков пламени, ни орущих и корчащихся в мучениях грешников. В помещении царил полумрак, повсюду горели свечи, свечная же люстра свисала с потолка. Тот — высокий, метра четыре, — расчерчен на квадраты коричневыми балками. Более темного оттенка пол и мебель.

А на удивление гармонично, несмотря на скудость палитры!

Стена справа полностью забрана под забитые до отказа шкафы с книгами и свитками. Оставшиеся «радуют» глаз каменной кладкой, и камушки такого размера, что не грех из них соорудить пирамиду. Чуть в стороне стол, заваленный каким-то хламом: склянками, пожелтевшими бумагами и предметами непонятного мне назначения. Нашелся там даже маленький глобус, а рядом со столом еще один — напольный, сделанный в классическом стиле, и, что характерно, ни на том, ни на другом очертания материков не были знакомыми...

Правую стену оживляет композиция из нескольких рисованных портретов неизвестных мне, но показавшихся странными людей. По центру между ними — большое полотно, изображающее фэнтезийную битву с парящими островами, тщательно выписанными драконами и другими существами. Столько деталей, что отсюда и не разглядеть.

Пол как попало устлан коврами, словно каждый новый бросали на другой как придется, лишь бы закрыть голое пространство. И как только они здесь убираются? Неудобно же!

Позади меня входная дверь, а напротив единственная стена с окнами — вошедший не сразу разглядит помещение из-за льющегося в них света. Но это днем, а сейчас их наглухо зашторили тяжелыми на вид портьерами все в той же гамме — цвета горького шоколада.

Простенки между окон украшены головами бутафорских чудовищ, все как одна — страшные до жути! Олени или там медведи какие у них тут, похоже, не в чести. Помещение походило на музей или, скорее, перформанс из-за темноволосого мужчины за письменным столом. Он настолько увлеченно писал, склонив голову над листом, что до сих пор не обратил внимания на мое появление. Но не его невнимательность или безразличие поразили меня, а то, как именно он писал. Нетерпеливо, точно в раздумьях постукивал по столу пальцами, сосредоточенно глядя на бумагу перед собой, а перьевая ручка стремительно двигалась по листу без всякой посторонней помощи. Ловко перепрыгивая на новую строку и время от времени окуная кончик пера в чернильницу.

Я нервно хихикнула, возвращаясь к мыслям о затяжной галлюцинации. В этот момент мужчина вскинул голову. Перо разом прекратило двигаться и, чересчур громко брякнув в тишине, безжизненно упало, притворившись обычным предметом. Я невольно икнула и отступила на шаг.

Промеж бровей хозяина кабинета залегла вертикальная складка. Он ничего не произнес, просто поднялся из-за стола, не сводя с меня чуть сощуренных глаз, и неспешной уверенной походкой человека, которому нечего бояться, направился в мою сторону. Выглядел он так, будто совершенно не удивлен присутствием неведомо откуда взявшейся здесь девицы. С каждым его шагом у меня все сильнее сохло во рту, быстрее колотилось сердце и потели ладошки.

Узкие бедра, в меру широкие плечи. Мужественный, покрытый легкой щетиной подбородок. Темные волосы забраны в хвост, но у висков выбиваются непокорные прядки, добавляя легкой небрежности в облик. Небрежности и какой-то первобытной дикости. Ну вылитая рок-звезда из клипа! Холодные голубые глаза, обрамленные длинными ресницами, загнутыми на